

Российская Академия Наук

Комиссия по социальным и
культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. ЖИВОЙ ОГОНЬ

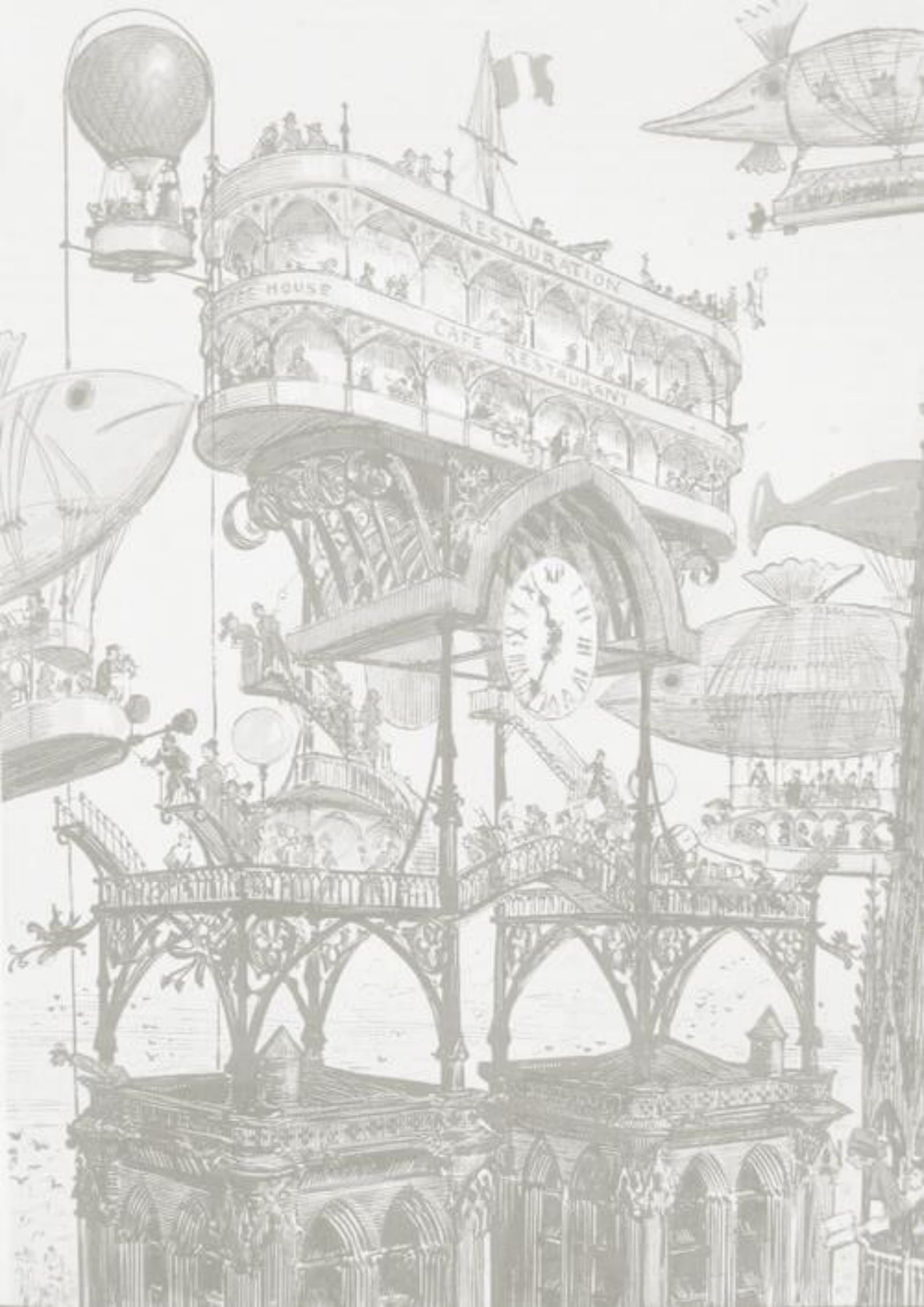

XXIX Экономический форум
3-5 сентября 2019
Крыница-Здруй, Польша

Special Issue for the XXIX
International Economic Forum
Krynica-Zdroj, Poland
3-5 September 2019
Fall 2019 (Supplement)

ПРОЕКТ «БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ»
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
“FIGHT FOR FUTURE” PROJECT
SPECIAL ISSUE

ИНТЕЛПРОС
МОСКВА 2019

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Специальный выпуск. Осень 2019

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам
глобализации

Александр Неклесса

ЖИВОЙ ОГОНЬ

**Методологические и прогностические аспекты цивилизационной
конкуренции**

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2019

Александр Неклесса. Живой огонь. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции. Доклад для XXIX Международного экономического форума в г. Крыница-Здруй, Польша. – Специальный выпуск бюллетеня Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН / Отв. ред. Е.В. Хомутова. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2019. – 16 с.

Научное издание

Специальный выпуск бюллетеня подготовлен совместно с Центром цивилизационных и региональных исследований (ФГБУН ИАФР РАН).

Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН издаются в печатном и электронном виде в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой совместно с Группой «Север-Юг» и Центром цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН при поддержке экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделения общественных наук и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Издание носит некоммерческий характер. Бюллетень распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена ссылка на публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии. Отдельные материалы, воспроизводимые в бюллетене и защищенные иным образом, могут потребовать дополнительного согласования с владельцами авторских прав.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

Свидетельство о регистрации СМИ Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303 от 14.09.2004.

Бюллетень издается в печатном и электронном виде, содержание которых может не совпадать.

Электронная версия бюллетеня представлена на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия <http://intelros.ru/>

Расширенная версия доклада, подготовленного для XXIX Экономического Форума (3-5.09.2019, Крыница-Здруй, Польша). В докладе анализируются некоторые методологические и прогностические аспекты цивилизационного транзита, актуальные тенденции глобальной трансформации, эволюция механизмов производства власти, динамика институтов знания, а также значение теории сложных систем для анализа текущей российской и международной проблематики.

Живой огонь © Александр Неклесса, 2019

Оформление © ИНТЕЛПРОС, 2019

Фотография на обложке © Елизавета Неклесса, 2014

Panel: "Will the World Order Turn into Global Chaos?"

Александр Неклесса

председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации,
член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН,
руководитель Группы «Север – Юг» ЦЦРИ ИАФРРАН; E-mail: neklessa@intelros.ru

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции

Мир – это живой огонь...

Гераклит

Забывая то, что позади, и устремляясь вперед, я спешу к цели.

Апостол Павел

История телеологична. Развитие социосистем не тождественно, но, по сути, аналогично генеральному эволюционному коду. Последовательное усложнение социокосмоса – результат обращения и устремленности к предзаданному идеалу. Смысл процесса – становление личности, преобразование человека, освоение и отторжение среды, осознание обстоятельств, преодоление физических ограничений и биосоциальных пределов, совокупно

воплощая геном истории.

Изгибы летописания сопровождаются и запечатлеваются в памяти кризисами, чреватými смутой и обретающими со временем символический статус. Привычный порядок сегодня удерживается, но усложняется, подвергается эрозии и реконструкции. Национальная государственность все теснее сопрягается с миром трансграничных сообществ, амбициозных корпораций, мотивированных лидеров, постсовременным акционизмом решительных индивидов. Очередная взрывная утопия вносит в происходящее ажиотаж, ускоряющий перемены: история беременна новизной. Трагедия 11 сентября – событие, приведшее к объявлению крупнейшей державой войны необычному противнику: рассыпающемуся, распределенному множеству радикальных мобилизационных структур, лишенных привычных признаков государственности и не обладающих регулярными вооруженными силами, – одно из свидетельств и тень происходящего переворота.

Мы живем в подвижной, активной реальности, действующей по своим правилам. Состязание политий, обществ, укладов с несовпадающими, подчас химеричными принципами организации, реестрами ценностей и программами мироустройства опознается как эволюционный конфликт – видовая и цивилизационная конкуренция. Обитающие на планете персонажи используют разные алгоритмы развития, вопрос в том, какие оказываются доминантными. В антропологической вселенной применяются стратегии: личного успеха («викария из Брея»), корпоративные («красной королевы»),

социокультурные («полифонического резонанса»), ценностные («стратегия черепахи»), а также их изменчивые в пропорциях сочетания.

Данный список не является исчерпывающим. Не исключен выбор – личностями, сообществами, государствами, подспудной либо явной версии «культуры смерти»: суммы практик разрушения цивилизации и самоуничтожения [21, 3-11].

Путь волхвов

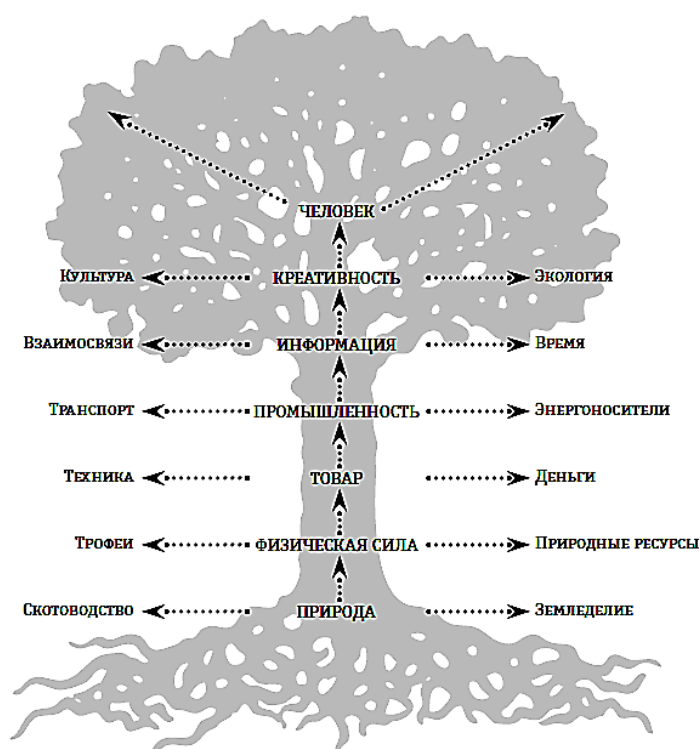
Исторические зигзаги и перевороты предваряются революцией сознания: трансформацией социальной ментальности, картины мира, методов познания и действия с последующей коррекцией практики и образа жизни.

Когнитивные события определяют и аранжируют историческую ситуацию. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики основы бытия заложили фундамент новоевропейской науки [3, 181]. Приоритет в вынесении вердикта был, фактически, отдан свободному от игр разума арбитру – свидетельству созданной нечеловеческим актом и потому не ограниченной рамками людской ментальности «Книги природы» (т.е. эксперименту). Плоды подобного испытания – «инквизиции творения», оказались эффективным средством опознания конструкторов и гармоник мироустройства (и в этом особенном качестве – не вполне осознанным побегом теологии). «Новая физика» как инструментальное декодирование естественных законов, в своей глубинной сути – попытка прочесть запечатленный в творении язык и тем самым, отчасти постигнув логику Творца, приобщиться к ней, а не просто стройная комбинация разумных предположений (гипотез). Следствием данной коррекции режима знания стало представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации.

Секулярность – этот отличительный признак современности, также возникает в истории как проекция иудео-христианской концепции бытия. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹ (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению перемалывает многие препоны, воплощаясь в психологическом самоопределении, личной ответственности, политических правах. Происходит «расколдовывание мира» (Макс Вебер) [14], сопровождаемое индивидуацией и деконструкцией религиозного традиционализма, «дефатализация истории» (Поль Рикёр) [25], огранка бытия. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер) [13] мифологических отождествлений и традиционалистских подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих человека к прошлому, к природе, клану и идолам» (Эрих Фромм) [28]. Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от власти суеверий. Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности многовекового синкретизиса. Политические и юридические гарантии свободы выбора, волеизъявления и его манифестаций суть следствия подобного модуса.

¹ Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>

Секулярность предоставляет возможность внешней позиции по отношению к сложившимся прочтениям / толкованиям кодексов мысли и действия. Установления, порожденные христианской мыслью и культурой, со временем выходят за пределы религиозной оболочки, осознаются в своей универсальной новаторской сущности и, переосмысленные под грузом трудной реальности, ее вскрывшихся обстоятельств, мрачных изъянов и скверных подробностей, воздействуют на социальные пространства, подвергая ревизии и витализируя. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер) [12], «политического богословия» (Йоханнес Метц) [7], «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле) [9]. Поиск истины, соединяясь с обретенным опытом и осваивая непривычные наречия, устремляется к вселенской связности. Горизонты и маршруты постсекулярности сопряжены с усложнением карт мира, его запутанной морфологией, нелинейной динамикой, регенерацией живой целостности – когеренцией бытия, личности и познания, предполагая способность нового человека (*homo modernus*) удерживать синергию и выдерживать это великое объединение.

Путеводная звезда истории, камертон иного – предписанный, но не сыгранный сценарий: реальность выше рациональности, смыслы глубже их вербализаций, а исполнение постигнутых прописей произвольно, подчас травматично и рекуррентно. Истина прозревается, правда же зависит от позиции и намерений наблюдателя – содержание событий тесно связано с их восприятием и толкованием. Персональный кризис и самопознание расчлениают коллективный сюжет, происходит «разжатие бытия» (Жан Поль Сартр) [26], диссипация представлений и установок: известное рождается из неизвестного, производя концепты и рецепты. Творческая реализация, личностная эмансипация, созидательные и разрушительные, влекомые как высотными границами, так и глубинными инстинктами, обостренными возможностью освоения кладовых бытия, равно как и «познания зла», сталкиваются с завораживающими перспективами, погружаясь в иллюзорный *fake-world*. И одновременно состязаются с рецидивами массового общества, консьюмеризмом и популизмом.

Индустриальная оптимизация, намекавшая на общее будущее, сменяется кризисом избыточности. Происходит массовое преодоление индивидами предписанных прежней культурой функций. Этот революционный фактор, спонтанно возникающая химера, подрывает устойчивость рафинированной культуры и равновесие цивилизации. Конструктивизм современности вытесняется личностным органицизмом новой эпохи, трансgressируя формально-логичные, позитивистские интерпретации природы вещей и потока событий, отменяя поглощение особенного общим, усечение несжимаемого, экономию на невещественном, списание невидимого, игнорирование артефактов и сегрегацию апорий. Реализация промысленных ситуаций сочетается с бременем случайностей, обилием вероятностей, уводящих развитие по множеству «бурлящих дорог» (Фрэнк М. Норт). Исследование комплексной социальной реальности, вслед за переворотом в естественных науках в понимании законов макро и микромира, испытывает затруднения с рационализацией постигаемого текста, подтекста и контекста общественных явлений, процессов и их следствий. Будущее все чаще демонстрирует свойства кодекса, не прочитываемого и не транслируемого посредством конвенциональных языков. Смысловые тропы переплетаются, обнажая порой фрактальный каскад не пересекающихся напрямую сюжетов. Лишь входя в резонанс с этой алогичной полнотой, усилие и его результат преобразуются в бытие.

Стационарный порядок расплзается, на планете рождается и утверждается сложный, ячеестый строй молекулярных антропо-социальных взаимодействий. Тестирование итогов современности и прогнозирование будущего преодолевают представления о должном, имеющим основания, но не обладающим бытием. Постсовременный ландшафт – подвижный лабиринт синхронностей, симуляций, обертонов. Стремление к деятельному разнообразию, овладению и управлению новизной со всей ее произвольной двусмысленностью, доминирует над промышленной экспансией, качественные и неизмеримые характеристики над количественными показателями, гештальт над процедурами исчисления, репликацией и перераспределением достигнутого.

Человек расправляет крылья

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели: превращения замысла в явление; она подобна дорожной карте, где расчёт маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с императивом цели, актуальными обстоятельствами, техническими возможностями передвижения и продвижения.

Особый импульс искусство стратегии получило в годы II мировой войны, когда организация крупных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста со множеством переменных, обнаруживая неизвестные ранее закономерности и обретая новые методы действий. В послевоенный период этот опыт развернутых в пространстве-времени боевых и тыловых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов (т.е. продуктов стратегического планирования). Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а из центров подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД.

Характеристики системы нельзя полноценно уяснить и эффективно освоить, исследуя лишь структуру частей, вне контекста, без учета динамики ситуации. В 70-е годы заметным явлением в области социального прогнозирования становятся доклады Римскому клубу. Заявленный в них подход – активное представление будущего (Эрих Янч) [31], базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм).² В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джейм Форрестером [27].

В конце века формируются и развиваются методы социального проектирования и прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного, точечного и роевого управления, синергетики и синектики и т.д. Складывается методология анализа сложных систем и проведения комплексных операций, замещающая принцип глобальности – фрактальным масштабированием, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения – эволюционной уникальностью. В условиях неопределенности и турбулентности управление событиями реализуется посредством соответствующих аттракторов, а возникающие проблемы становятся своеобразными реперными точками – опорами для восприятия и понимания иначе организованного ландшафта. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности и динамикой высокоадаптивных систем, получил Институт Санта Фе (Нью-Мексико), основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Мир *ad hoc* предстает скорее драматичным, нежели привычным, события приобретают все более комплексный характер, следствия актуализируют причины, человек мыслит природу реальности парадоксами, эксплуатируя «привилегию абсурдов» (Томас Гоббс) [15, 72] и адаптируя результаты логикой. Упрощение сложного дискурса может существенно менять транслируемый смысл. Многофакторные процессы опознаются и декодируются при помощи концептов динамического хаоса, самоподдерживающегося развития, самоорганизованной критичности (Пер Бак) [1], иницируя «новый диалог человека с природой» (Илья Пригожин) [23] с использованием негативной диалектики (Теодор Адорно) [11], фрактальной картографии (Бенуа Мандельброт) [18], деконструкции бинарных суждений (Жак Деррида) [16], двусмысленной экспериментальной философии (Джошуа Ноб) [5], релевантности и прагматизма модельно-зависимого реализма (Стивен Хокинг) [30] как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире, прохождения исторической чересполосицы, антропологического перераспределения и освоения «невыносимой сложности бытия». Намечается коррекция «режима истины» (Мишель Фуко) [28], обретаются новая исследовательская позиция и перспектива, допускающие присутствие метафизических смыслов, художественных и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве. Возникает иная внятность, другой тип интеллектуальной организации с заметной примесью личностного знания (Майкл Полани) [22], меняющий координаты восприятия и понимания мира.

Будущее определяется пропорцией настоящего в текущем, интерференцией набегающих фрактальных волн – сполохами и ритмами идеальных конфигураций.

² Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. Сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. М.: УРСС. 1997. С. 36-37.

Постсовременные операторы композиционно не объединены, но функционально срежиссированны: они кумулятивно продуцируют среду, в которой стратегические преимущества переходят к структурам и системам, способным эффективно действовать в ситуациях мобильности и неопределенности. Акторы нового века – не институты и учреждения в привычном понимании, но распределенные по планете успешно капитализированные пространства действия: средоточия коммуникационно-связных и универсально координируемых разноформатных объектов, акций, целей. Все это – многослойная перестройка универсума и перенастройка человеческой природы: познание преобразует и окрыляет (*knowledge is power in itself*), а характер субъекта предопределяет регистр ситуации. Трансформируются модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и конвенционального, вероятного и тривиального, меняются баланс обретений и утрат, объем возможностей и сумма рисков.

Мы находимся в процессе осознания грядущей композиции человеческой вселенной – непрерывного настоящего, конструирующего бытие: полифоничного строя перманентно динамичной организации. Интеллектуально глобальная трансформация завораживает, однако на практике, насыщаясь культурной инверсией, нравственными и прочими несовершенствами, она грозит скатыванием в «белый шум» и деструктивный хаос. Правила изменились. Вектор их постижения и применения – освоение новых территорий знания, опознание перспективных моделей управления / поведения в подвижном универсуме разрушений и реконструкций виртуальных (*de facto*) антропологических и социальных конфедераций. Это мир, где международный политический контракт – понятие относительное, нет цивилизационного суда и плодятся слабо-формализованные, лишь косвенно соединенные с национальными доменами персонажи. В информационном и творческом водовороте возникает множество головоломок: от определения функциональных прописей до представления генеральной модели – новых правил игры. Дело не только в экономическом или военно-промышленном состязании, отраженном в переговорном процессе национальных государств, – по большому счету это конструкты уходящей эпохи.

Государство и Власть

Во времена перемен приходится вести речь об основаниях, чтобы, различая тривиальное, иное и случайное, представлять смысл исторического перекрестка, экзистенциальную проблему и магистральное направление событий.

Сложный и динамичный характер постсовременной среды, порождающей траектории универсальной персонализации, режимы самоорганизованной критичности (SOC) и высокоадаптивные системы, способные к самоподдерживающемуся развитию (*sustainable development*), – результат эволюции социальных укладов: прохождения цивилизацией определенного маршрута. Генезис современного общества был транзитом от сословного к гражданскому статусу. Иначе говоря, продвижением от моноцентричных иерархий: персонификации источника власти в виде сюзерена-монарха или феодала, к воплощению иного, промысленного к тому времени идеала – пришествию нации как суверенного (самовластного) сообщества, процессом культивации гражданина и утверждения нового строя. Реализация замысла влекла переустройство политических институтов – реорганизацию режима производства власти, формируя конкурентную среду сдержек-противовесов и гибких общественных

связей. Складывалась система «перманентного плебисцита» (Эрнест Ренан) [24] и представительной демократии: «гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка» (Мэйфлауэрское соглашение)³. Инициировалось восстановление человека, реставрация его естественного достоинства – извлечение личности из тяглого «трудового ресурса». Подданные переставали быть податными объектами и становились гражданами, определявшими формат и содержание органов управления суверенной властью нации.

Законодательная ветвь власти – *депутаты* (от лат. «посланный», «заместитель»), являлись представителями народа, т.е. проводниками соборной воли, артикулирующими ее и принимающими от лица нации законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия исполнителей, определяя также объем необходимых для эффективного управления средств, способы обретения и распределение оных. Исполнительная ветвь – *министры* (от лат. *minister* – «малой», «служитель») утрачивали подчиненность прежнему полновластному суверену, став «слугами народа». Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же своего рода *мажордом*, т.е. управляющий), проходит обряд *инаугурации*, то есть принесения *вассальной присяги* своему сюзерену – народу. А за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь особым камертоном: суммой основополагающих принципов – *конституцией*. В случае же «если какая-либо форма правительства становится губительной <...>, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (Декларация независимости США).

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же делегированной власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны и обязаны информировать общество, отчитываясь в намерениях и деяниях (публичность политики, прозрачность документооборота, доступность информации). Закон не должен ущемлять право, а попытки узурпировать власть, то есть отлучить народ от нее тем или иным образом («мятеж правителей»), являются покушением на его статус сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Национальное государство – концепция, имеющая корни в европейской, христианской культуре, становясь же универсальной нормой, она воспроизводится скорописью, с той или иной мерой поспешности и успешности в других культурных ареалах. Столкновение асимметричных миров транслирует напряжения в историческую драматургию. XX век был периодом обширной реконструкции человеческой вселенной: демонтаж сословных перегородок, демократизация, либерализация сопровождалась универсальной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией и культурно-демографической экспансией пост-колониального мира. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное пестрое сообщество национальных государств. Происходящее сейчас – следующий акт исторической драмы.

«Смертный бог» (Томас Гоббс) [15] ощутил пределы адекватности, фрустрирован и умирает, современный мир рассыпается на суверенные молекулы и венчурные

³ Mayflower compact. URL: <https://www.mayflowercompact.org/>

композиции. Трансформация порядка вещей – производное от ферментов перемен: универсальности трансграничных коммуникаций и умножения генетических цепочек будущего – вирулентных модификаций настоящего, отрицающих прошлое (*new values chains*). Деконструкция отворяет и раздвигает социальный горизонт: система международных отношений расширяет фактическую номенклатуру, преобразаясь в совокупность гибких, быстрых и разнородных мировых связей. Наряду с национальной государственностью в многоликом постсовременном космосе состязаются иные форматы властной организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и конфедерации, полимерные содружества, субсидиарные управления и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, глобальные племена и социальные сети. Мегаполисы, кланы, ведомства, олигархи, амбициозные люди-предприятия (*manterprisers*) соучаствуют в деятельной диверсификации практики как автономные субъекты и аутсорсинговые агенты. Все они по-своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет.

Определяющим критерием эволюционного продвижения являются все же не эффекты и аффекты международных взаимодействий, но саморазвитие конкурирующих организмов: растущий положительный баланс обретенных умений и неизжитых обременений. Потенциал и результативность сообществ существенно разнятся в зависимости от геокультуры, типа организации, избранной стратегии и антропологических преимуществ. В новой среде приходится мыслить мир в динамике, руководствоваться не фактами, а тенденциями, приучаться понимать под актуальностью не то, что здесь и сейчас, но что на полшага впереди, избегая упоения скоротечным и соблазна управления прошлым.

Грядущее – кризис неясности, исход из прежних констант, экспликация «суммы предысторий» (Ричард Фейман) и столкновение с иным. Самоопределение в обстоятельствах и самопреодоление во времени обретаются в постижениях и достижениях, пренебрегая воспроизводством конъюнктурных состояний и миром примелькавшихся личин. Не будучи настоящим, прошлое – двусмысленно, его штольни могут поглощать сознание. Пиноккио, который в отличие от Буратино не приобрел сказочное театральное имущество, но совершил подвиг преображения из куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое».

Рождение нации

В России власть мыслится посредством государства, но образуя специфическую комбинацию коллективного творчества: центробежную *диффузию власти без протокола* – парадоксальную версию *gouvernementalité* (Мишель Фуко) [2, 87–104], что подтверждает значение геокультуры.

Являясь большим континентальным пространством, Россия во всех своих метаморфозах: Российской империи, СССР, РФ не смогла подвергнуть деконструкции монополию авторитарной либо олигархической потестарности, обладающей собственным понятийно-правовым аппаратом, и воплотить в политической системе совокупность принципов современного государства⁴, даже когда пыталась их

⁴ «Статья 3. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

декларировать – социокультурная рецессия обращала время вспять. Ситуация усугубляется фактической пролонгацией квази-имперского статуса, отягощенного централизованным, тяготеющим к унификации управлением обширными пространствами и разнородными культурами.

В меняющихся обстоятельствах, однако, накопленные ресурсы могут оказаться обузой, а действия превращаться в свою противоположность. Для лоскутного Левиафана обилие разнородных территорий обернулось проблемами при очередной трансформации мира – продвижении к постсовременному укладу. Подобный организм, даже будучи отчасти модифицирован, испытывает затруднения, постигая подвижные прописи нового эона. Историей засвидетельствованы различные пути и способы разрешения затруднительных обстоятельств, связанных с негативными аспектами пространственного развития: форсированный генезис Австрии, Турции, непростой опыт Германии, деимпериализация Испании, Португалии, Франции. Примеры же эффективного освоения будущего с удержанием политических множеств в объединяющей рамке – федерализация выстраивавшихся с «чистого листа» Соединенных Штатов или конструирование на основе исторического наследия пестрого Содружества Наций: проекты, сумевшие достичь в различных форматах сопряжение многочисленных (более 50) субъектов. Сложнее обстоят дела с идеей «Соединенных Штатов Европы» и становлением масштабной реальности Европейского Союза.

У проблемы реорганизации политического тела РФ собственная специфика. И дело не только в качествах политкласса или других активно обсуждаемых реалиях. Государство – аппаратное овеществление политических и когнитивных практик, продукт декогеренции энергии власти, синтезирующая проекция и субъективация. Всевластие российского государственного аппарата, разрушающее достоинство личности, подавляющее самодеятельность общества и самоорганизацию регионов, коренится и резонирует в социальной ментальности, его определяющей: люди в своей массе не осознают себя в качестве «властного субъекта», страну же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не как «суверенное политическое сообщество».

Россия в сознании россиян – это именно *государство (господарство)*, что фиксирует объектность людей, их подданство аппарату, а не гражданство, т.е. субъектность. Источник власти понимается не как совокупность граждан, выбирающих и утверждающих направление и характер действий из конкурирующих программ, но как имманентная «властная вертикаль», причем с опрокинутым от декларированного вектором делегирования полномочий. Иначе говоря, если в современных странах *government* мыслится как подотчетные людям органы управления вверенной им властью (*ветви*), формируемые источником власти – народом (*ствол*), то в России они артикулируются как сама «власть». И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы. Другими словами, демонстрируют регресс к сословному обществу. Отсюда, кстати, вопрошающий формат «претензий к власти» (отказ от позиции самоуправления). Примерно так же обстоят дела с заявленным, но не реализованным федерализмом.

Историческая альтернатива – влиятельное суверенное общество (нация), генерируемое городской культурой: «единство непохожих» (Аристотель), осознающее себя сообществом – социальной и политической мультикорпорацией с собственным видением судьбы и ценностным канонem. Основа самодеятельного национального консенсуса – распределенное множество структур, производящих параллельно

существующим конструкциям иную реальность, соединив автономию от коррумпированных «провластных» форматов с осмысленной экспансией, утверждая позитивную повестку, прививая людям осознание их прав, самоуважение, навыки свободной творческой и гражданской регуляции. Цель – создание среды благоприятной для совместной деятельности, развития личности и коэволюции. Данная коллизия предъявляет миру моральное и конкурентное противостояние – «мужественное сопротивление злу» (Мартин Лютер Кинг) [4], очерчивая этические рубежи в индивидуальных взаимоотношениях и шлифуя политическую грань в коллективных взаимодействиях.⁵

Плацдармы пробуждающейся нации – сообщества индивидов, отрицающих заповеди ветхой *территории ку-кормления*, готовых отстаивать, отстаивать, утверждать суверенитет *пространства личной и национальной самореализации*. Эта устремленность к перемене участи и нравственное противостояние – дух социальной эволюции и знак присутствия истории в повседневности. Гражданская позиция, культурный капитал, человеческие качества – закваска, определяющая витальность процесса и горизонт успеха. Фрагментация социума, транзитная разногласица исключают конструктивизм партийности, равно как прежние стандарты идеологической унификации, однако публичные проекты синтезируют ситуационную мозаику с личной инициативой, образуя конъюнктурные сопряжения (*salads*) партнеров/симпатизантов с несовпадающими установками и целеполаганием. В наступившем веке комплексные ассоциации, судя по всему, становятся перспективным форматом влиятельных политий.

Подобная социальная агломерация, истощаемая внешним и внутренним миграционным исходом, пребывает в России в затянувшихся родовых муках с неопределенным прогнозом. Новодел же сословного «господарства» при отсутствии у народа интенции самоуправления и потенции самоуважения теряет нужду в имитациях и декорациях, расплываясь, уплотняясь в особую «дикую сословность»: синтез чиновничьего–олигархического–криминального произвола, пронизывающего «государство без справедливости» (Аврелий Августин) [10] сверху донизу. Инволюция социосистемы замещает национальную самоорганизацию режимом подавления, ведущего к цивилизационной депривации и неоархаизации. «Мерзкая мощь» (Клайв С. Льюис) [6] навязывает, продвигает, закрепляет посредством захваченных средств и покоренных душ эрзац-культурную, «овеществленную и омертвленную» идентичность, стремясь «истребить или сделать себе подобными» иное и глубокое (Дмитрий Мережковский) [19], – это морок черни, отринувшей тяготы эволюционного процесса, компенсируя специфическую немощь слиянием с мощью государственной машины.

Оказавшись под ударом, эволюция претерпевает сбой, обнаруживая симптомы антропологической катастрофы. Нравственные уроды в продуцируемой среде клонируют аморальных репликантов, карлики уничтожают и поглощают гигантов, общество же, лишенное иммунитета, травмировано, угнетено, пассивно – происходит развоплощение и ремифологизация обретенных ранее смыслов, разложение социальности.

⁵ Интересен в социальных и типологических аспектах опыт Подпольного Польского государства – «Делегатуры правительства на Родине», эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации [8]. Черты феномена проявились впоследствии при формировании «параллельного общества» в ПНР, а также повлияли на методы движения «Солидарность». Присутствуют они и в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

Нация не может полноценно реализовать себя и воплощать идеалы, будучи десубъективизирована и лишена достоинства. А поскольку активы и преимущества коренятся сегодня не в масштабах территории или численности госаппарата и силовых ведомств, но в качествах личности и самодеятельности общества, порождающих инновационные конструкции и значимые перспективы, Россия все чаще оказывается «вне игры», закрепляясь по ряду параметров в группе проблемных стран и находя в этой же среде своих союзников.

Семантическая коррупция

Еще один дополняющий картину сюжет. Язык определяет архитектуру мышления, настраивает механизмы восприятия, параметры поведения, отражает и формирует психику, обуславливая на подсознательном уровне, что есть «правильно-неправильно», «хорошо-плохо».

Анализ российской политической лексики показывает определенный дефицит категорий, затрудняющий адекватное представление ситуаций. Скудость вокабуляра предполагает профессиональные деформации, скованность политологического дискурса – своеобразную семантическую немоту. Так для обозначения суверенного сообщества в русском языке используются термины: *государство/держава* (о чем шла речь выше) и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. Но фактически невозможен корректный перевод таких основополагающих современных категорий, как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместилось «государством», а второе слипается с этносом, создавая смысловые ребусы и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается едва ли применимо в России, житейское подтверждение чему – ответы россиян на вопрос о национальности (в бланках при пересечении некоторых границ), которые порой ставят пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* – обозначает суверенное политическое образование как совокупность индивидов политики, имея исток в таких реалиях, как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее от нидерландского *Staten-Generaal*). Или как более внятное нам – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом, невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств, а Организация Объединенных Наций), возвращая к понятию *res publica* как «общее дело, состояние, содружество» (*commonwealth, ting, вече*). Свободная гражданская ассоциация и культурная консолидация замещают принудительное подданство аппарату. Иначе говоря, родина – не земля, а семья, суверенная страна – не система управления, режим или территория, а нация, со-организованный народ, люди.

Спутанность политологических категорий, уплощенная стилистика профессионального дискурса, привычка мыслить прошлым, сужать диапазон альтернатив, упрощать смысловое и сжимать правовое поле не только отражают состояние российской социальной ментальности, ее *stumbling-block* и ограниченный, «технический» модус соцогуманитарных дисциплин, но также предопределяют второсортность управленческого инструментария, ущербность рабочей карты, стратегическую пустоту обессточенного, лишенного сложной рефлексии и панорамы политического пространства. Процесс перемен между тем ускоряется, глубина

переворота, значение нематериальных активов, разнообразия и отлаженности общественных связей, роль людей, причастных высокому образованию и морали, возрастают. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

Мир изменился. Сегодня в нем складываются гибкие антропологические кластеры и создаются непростые социальные конструкции, понимание характера и перспектив которых – предмет углубленного анализа, рафинированного диагноза, беспристрастного прогноза. Усложнение структуры объектов и растущее разнообразие субъектов сопряжены с императивом адекватного ритма жизни режима управления – акценты смещаются с централизованного контроля на высокоадаптивную самоорганизацию. Кроме того, сложный мир – композиция персонализированных сообществ, декомпенсирует и маргинализирует прежнюю норму, порождая химеры, пробуждая вихри сопротивления и противодействия. Сумма всех этих факторов определяет турбулентность транзита [20, 149-164].

Поезд истории меняет колею и отходит от промежуточного вокзала. Речь, фактически, идет о пересечении границы прежнего зона: постсовременном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных, упрощенных и синкретичных структур, генерирующих эсхатологизм. Как результат, неизбежно – рано или поздно начинающаяся в их недрах авральная перестройка рискует обернуться политической какофонией и завершиться катастрофой.

А.И. Неклесса. Живой огонь. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции.

Аннотация: Расширенная версия доклада, подготовленного для XXIX Экономического Форума (3-5.09.2019, Крыница-Здруй, Польша). В докладе анализируются некоторые методологические и прогностические аспекты цивилизационного транзита, актуальные тенденции глобальной трансформации, эволюция механизмов производства власти, динамика институтов знания, а также значение теории сложных систем для анализа текущей российской и международной проблематики.

Ключевые слова: эволюция, глобальная трансформация, знание, сложность, стратегическое планирование, управление, нация, постсовременность, история, Россия.

A.I. Neklessa. Alive Fire. Methodological and Prognostic Aspects of the Race of Civilizations.

NEKLESSA Alexander Ivanovich – Chair of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, Member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences. Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies RAS.

Abstracts: Report for the XXIX Economic Forum (3-5.09.2019, Krynica-Zdrój, Poland). The current trends of the global transformation process, dynamics of knowledge institutions and role of theory of complex systems in social sciences are the main topics in this report. The present state of the international relations system, changes in the structure of political organization and perspective methodologies of strategic planning have been briefly analyzed. The advantages and disadvantages of some new political subjects that affect a successful passage of the postmodern barrier have been evaluated as well.

Keywords: evolution, global transformation, knowledge, complexity, strategic planning, governance, nation, post-modernity, history, Russia.

Литература / References

1. Bak P. How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality. N.Y.: Copernicus Press. 1996. 212 p.
2. Foucault M. Governmentality. – *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds). Chicago. University of Chicago Press, 1991. 318 p.
3. Grant E. Science and Religion, 400 BC to AD 1550: from Aristotle to Copernicus. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2006. 328 p.
4. King M.L. Stride Toward Freedom: The Montgomery Story. N.Y.: Harper & Row. 1958. 230 p.
5. Knobe J., Nichols S. (eds.). Experimental Philosophy. Oxford: Oxford University Press. 2008. 242 p.
6. Lewis C.S. That Hideous Strength. Ouebek: Samizdat. 2015. 362 p.
7. Metz J.B. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. Paulist Press. 1998. 212 p.
8. Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G., Ślaski J.. Polish Underground State. ŚZZAK, 1999. 239 p.
9. Sölle D. Theology for Skeptics: Reflections on God. Augsburg Fortress Publishing. 1995. 126 p.
10. Августин А. О граде Божием. <https://bible.by/lib/book/augustine/city-of-god-4/04/>
11. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
12. Антропов В.В. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2005. № 6. С. 58-124.
13. Бонхёффер, Д. Сопротивление и покорность М.: Прогресс, 1994. 344 с.
14. Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – *Избранные произведения*. М., Прогресс. – С. 44–271.
15. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: РИПОЛ классик. 2017. 608 с.
16. Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem. 2000. 512 с.
17. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 263 с.
18. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
19. Мережковский Д.С. Большевик и человечество. *Парижский вестник* № 81. 8.01.1944. С. 5-6.
20. Неклесса А.И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 149-164. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>
21. Неклесса А.И. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. 2006. № 2. С. 3-11.
22. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
23. Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 2000. 208 с.
24. Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 г. http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
25. Рикёр П. История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с.
26. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 2000. 639 с.
27. Форрестер Д. Мировая динамика. М.: АСТ, 2003. 384 с.
28. Фромм Э. Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>
29. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб: А-сэд, 1994. 408 с.
30. Хокинг С., Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н. Большое, малое и человеческий разум. СПб: «Амфора», 2008. 192 с.
31. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М: Прогресс. 1974. 592 с.

29th Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 3-5 September

The Economic Forum in Krynica is the largest conference in Central and Eastern Europe. Every year the Forum at the beginning of September brings together more than 4,500 international guests. These include political, economic and social leaders as well as approx. 600 journalists. The guests usually come from over 60 different countries of Europe, Asia, Africa and America. The Forum's mission is to create a favorable climate for the development of political and economic cooperation between the EU member states and their neighbors.

Organizational outline:

- 6 Plenary Sessions
- More than 200 panel discussions and lectures by formidable personalities from the public sphere
- Workshops and round-table discussions
- National and regional presentations

Panel: “Will the World Order Turn into Global Chaos?”

Moderator:

Alexander Neklessa, Head of the Laboratory “North-South”, Center of Civilizational & Regional Studies, Institute for African studies, RAS, Russia

Speakers:

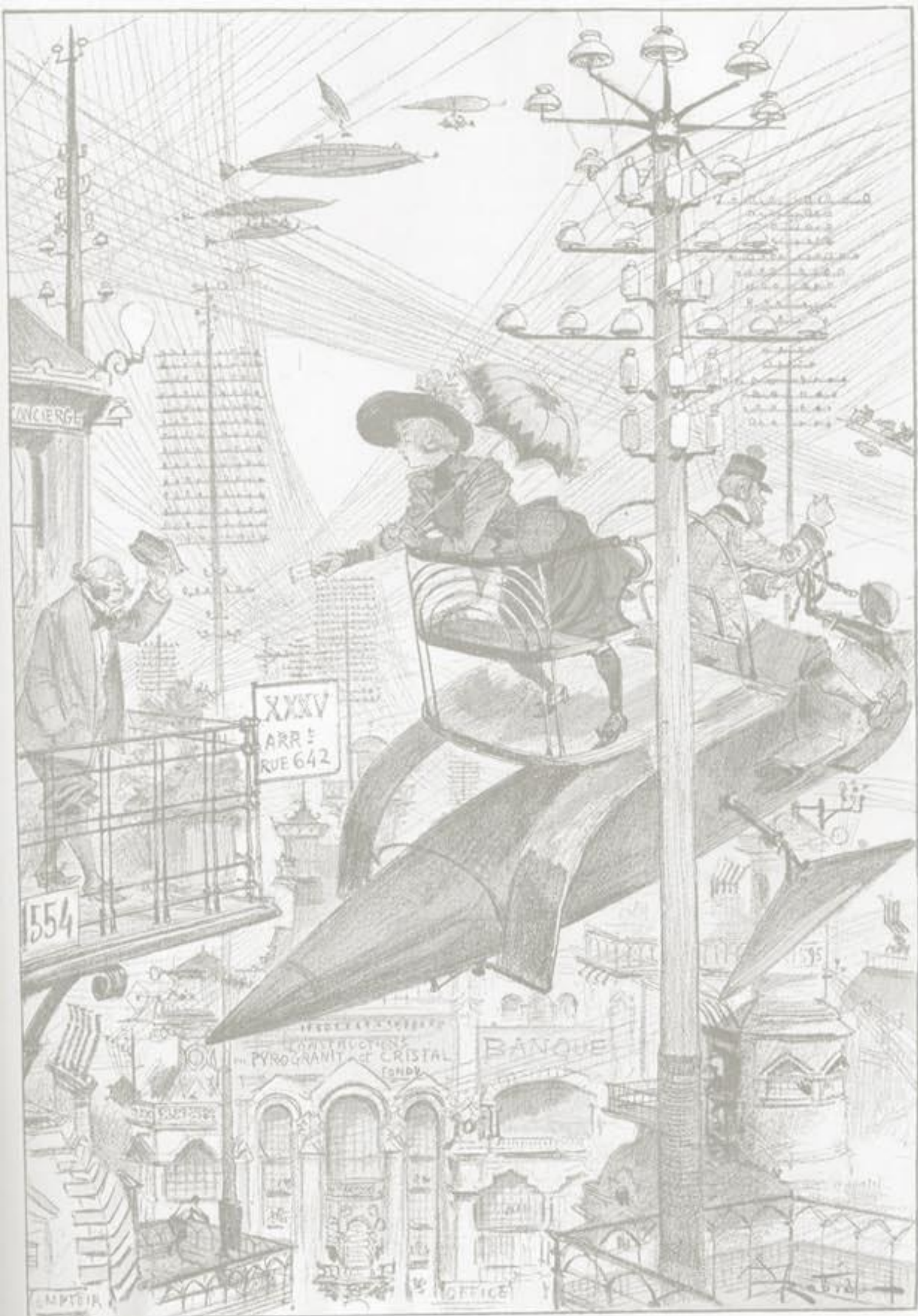
Jean-Christophe Bas, CEO and Executive Board Chairman, Dialogue of Civilizations (DOC) Research Institute, France

David Earnshaw, Associate Vice President, European Public Policy, MSD, Belgium

Dirk Niebel, Minister (2009–2013) for Economic Cooperation and Development, Germany

Marija Risteska, Founder and Executive Director, Center for Research and Policy Making, North Macedonia

Karel Schwarzenberg, Vice Chairman of the Foreign Affairs Committee, Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (aka Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдеия (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru